

книжной литературе, которые обнаруживаются при анализе повести у ее создателя. Наиболее вероятным, кажется, был бы такой выход из обнаруженного несоответствия. Не отрицая существования записок и извлечения из них, сделанного при обстоятельствах, указанных в послесловии, взглянем на них, и в частности на извлечение из них, как на один из источников, притом основной, для повести в том ее виде, в каком она нам теперь известна. Вполне вероятно, что повесть написана неизвестным нам лицом, опытным в литературном деле русским книжником, имевшим возможность воспользоваться трудом Нестора Искандера. В таком случае придется предположить, что в сокращенном изложении своих записок Нестор Искандер себя назвал и сам сообщил о себе те сведения, какие мы получаем о нем из послесловия.¹

Если же в извлечении Искандера читалось (скорее всего, в конце) то же, что мы находим в послесловии повести (т. е. и у Искандера было послесловие), то составитель повести мог просто перенести его целиком к себе. Некоторое же своеобразие послесловия повести, сравнительно с массой обычных послесловий, встречающихся в рукописях, вытекает из своеобразия основного источника и обстоятельств, при которых этот источник стал доступен автору повести: записки обращенного в магометанство христианина (может быть, даже русского), очевидца и современника описываемого, из далекой чужой страны, попадают в руки русского, возможно даже московского, книжника.

Такое, до некоторой степени „компромиссное“ решение вопроса об основном источнике повести, разумеется, не решает еще вопроса о самом этом источнике. Оно констатирует только необходимость допустить наличие этого основного источника в числе других (второстепенных) у составителя повести, указывает на необычность его сравнительно с другими источниками произведений русской письменности. Но такое решение вопроса имеет то достоинство, что, не позволяя отождествлять извлечение из записок Искандера, сделанное им самим, с самой повестью, нам теперь доступной, делает возможным анализ ее как литературного явления русской письменности независимо от ее источника, который, может быть, еще найдется.

Во всяком случае, отождествление Нестора Искандера с действительным автором повести и труда Нестора с повестью представляется невозможным: в повести мы имеем перед собой типичное произведение русской исторической литературы XV—XVI веков.

II

В отношении литературного жанра и связанных с ним идейных и стилистических особенностей пространная повесть о взятии Царьграда относится к числу исторических воинских повестей русской литературы XVI века. Тема, идейное содержание и сама словесная структура сближают нашу повесть с этой группой поздних воинских повестей. Наша повесть в том виде, в каком она до нас дошла и распространилась в русской книжности, получила настоящую свою форму едва ли

¹ Не исключена возможность и иного предположения (впрочем, близкого к сделанному) о возникновении послесловия. При частых сношениях между Русью и только что завоеванным турками Константинополем, когда на Руси появлялись в большом количестве греки, спасавшиеся от завоевателей или искавшие счастья в Московском государстве, рукопись Искандера могла быть доставлена одним из таких выходцев (может быть, даже лично знавшим Нестора), причем он устно сообщил сведения о Несторе Искандере, которыми и воспользовался русский составитель послесловия.